

На пляже луна видна необычайно ясно, а пламя костра то разгорается, то гаснет. Чу Син достал телефон, чтобы взглянуть на комментарии к их прямой трансляции.

— Что это за Хань-Син сияет, Звезда Небосвода... откуда столько странных названий?

Чу Син не понимал смысла этих слов. В этом сезоне организаторы усилили интерактив, разрешив участникам пользоваться смартфонами.

— Есть что-нибудь, что вы хотите увидеть?

[В кровать, идите в кровать! Поцелуйтесь, ну же, поцелуйтесь!]

Чу Син проигнорировал эти сообщения и прокрутил ленту вниз, к более серьезным комментариям.

— Хотите послушать, как Гу Тинхань играет на гитаре? Ты сможешь? — Чу Син привез гитару с собой, но не знал, умеет ли на ней играть Гу Тинхань.

— Ты действительно совсем не интересуешься тем, что со мной связано, — тот опустил голову, его длинные ресницы подрагивали, а чарующие глаза с поволокой казались полными печали.

— Какую песню сыграть? — Чу Син предпочел не заметить жалобный тон Гу Тинханя.

[Можешь исполнить Эпос Селлейны? Давненько мы не слышали, как учитель Гу берет в руки гитару.]

Чу Син поднял взгляд на Гу Тинханя:

— Сможешь?

Гу Тинхань склонился над инструментом, сосредоточенно настраивая его. Его профиль выглядел элегантно и завораживающе.

— Разве я когда-нибудь отказывал тебе в твоих просьбах?

Эту песню написал Цюй Сяо, так что в нынешней ситуации выбор выглядел как явная провокация.

— Могу играть немного неуверенно, — он смотрел на струны так, словно они были его возлюбленной.

Его длинные, тонкие пальцы идеально подходили для игры на музыкальном инструменте,

удовлетворяя эстетов. Чу Син не был фанатом красивых рук, но кто откажется полюбоваться приятным зрелищем?

Чу Син направил камеру на Гу Тинханя. Видео в высоком разрешении передавало каждую деталь, и даже на таком близком расстоянии его лицо казалось безупречным.

Пальцы заскользили по струнам, и ноты, словно крошечные эльфы, запрыгали в воздухе. Свет костра окутал его призрачной дымкой. Опустив голову, он запел низким, сексуальным голосом:

— Чем древнее эпос, тем глубже в нем скрыта любовь... Быть может, завтра мы встретимся вновь, но это будешь уже не ты сегодняшней. Видел ли ты небо после заката? Сияние звезд никогда не сравнится с той ночной красотой...

[Как же ностальгично. В самом начале учитель Гу часто пел, спасибо Чу Сину, что мы снова это слышим.]

[Только перед своей половинкой он распускает хвост, как павлин.]

[Попрошу вышеотписавшихся не распускать слухи! Я единственный муж Чу Сина! Еще раз посягнете на мою половинку — я разозлюсь!]

Неподалеку стоял Цюй Сяо и наблюдал за происходящим. Костер, музыка, звездное небо — картина была такой романтической, словно из молодежной драмы. В руке он сжимал цветок, сорванный по пути, и сам не заметил, как смял его в комок. Лепестки превратились в кашу, и сок просочился сквозь пальцы.

[Там молодожены воркуют, и только наш Сяо-Сяо страдает в одиночестве.]

[Так жаль его. Он впервые по-настоящему полюбил, но выбрал того, кто сияет ярче всех и кого обожают толпы.]

Цюй Сяо постоял на месте еще немного. На самом деле, ничего катастрофического не произошло — они ведь даже не были по-настоящему близки, но боль в груди никак не унималась. Когда костер догорел, он развернулся и побрел обратно, всю дорогу напевая себе под нос, ступая по следам звездного света.

[Это новая мелодия? Раньше не слышали.]

[Написал специально для Чу Сина?]

Когда Чу Син лег спать, он заключил с Гу Тинханем договор: никто из них не должен совершать лишних движений. Гу Тинхань согласился.

Посреди ночи Гу Тинхань открыл глаза. В слабом лунном свете он увидел того, о ком грезил каждую минуту. Он протянул руку и осторожно очертил контур щеки Чу Сина. Вдруг тот

нахмурился, словно ему было неуютно. Ночи на побережье холодные, и, почувствовав рядом источник тепла, Чу Син невольно прижался к нему.

Гу Тинхань смотрел на человека, свернувшегося калачиком у него в объятиях, и поцеловал его в лоб:

— Это не я нарушил договор. Утром, когда проснешься, не смей злиться.

Он прижал свое сокровище к себе. Сначала Чу Син немного ворочался, пытаясь устроиться поудобнее, но вскоре затих, уткнувшись носом в его грудь.

Тем временем Цюй Сяо сидел в комнате с пианино, его пальцы порхали по клавишам. У него был огромный талант, и хотя он начал заниматься позже других, он добился куда больших успехов.

Если приложить усилия, можно добиться успеха. Но любовь — это не то, что подчиняется трудолюбию. Он старался, но это не значило, что Чу Син обязательно его полюбит.

— Но я не откажусь от тебя. Пока ты не скажешь, что ненавидишь меня, я не уйду. Мы встретились, мы полюбили друг друга. Я никогда еще не тосковал так сильно, каждая секунда в разлуке — пытка. Может, однажды я смогу открыто взять тебя за руку и рассказать о своей любви, что переполняет сердце...

Жуань Тинтин постояла немного у входа, прикрыв ладонями щеки, и развернулась. Как же он талантлив! К тому же, в отличие от холодного Гу Тинханя, характер Цюй Сяо не заставлял ее чувствовать себя неловко.

Может быть, стоит сменить объект симпатии?

На следующее утро, когда Чу Син проснулся, Гу Тинхань уже встал. Заметив, что Чу Син открыл глаза, он выпрямился:

— Доброе утро.

— М-м, доброе.

Тихое, безмятежное утро, от которого на душе становилось легко. Чу Син был одет в небесно-голубую рубашку и белые пляжные шорты, от него веяло свежестью, как от морского бриза. Он подошел к Гу Тинханю, который готовил морепродукты на гриле:

— Организаторы что-нибудь говорили?

— Скоро собираемся на круизном лайнере, — Гу Тинхань сидел на каменном выступе, играя крепкими мышцами.

Когда они прибыли, остальные уже были на месте. Цюй Сяо, как обычно, сидел в стороне, а Жуань Тинтин о чем-то с ним разговаривала. Чу Син моргнул и замер на полпути — не стоило им мешать.

— Океан прекрасен и романтичен, но многие люди наносят ему вред, оставляя после себя горы мусора. Сегодня мы вместе соберем этот мусор и очистим океан. Будем заниматься серфингом и одновременно наводить порядок.

— Довольно интересно, мне нравится, — Лин Дуншэн, обладавший прекрасной спортивной подготовкой, обожал подобные активности. Обрадованный, он тут же приобнял Чу Сина за плечи: — Ты ведь тоже умеешь, верно? Давай посоревнуемся!

Сказано — сделано: он потащил Чу Сина к воде.

Никто не становится популярным просто так — у каждого есть своя уникальная притягательность. Лин Дуншэн, мастер спорта с длинными ногами и руками, ловко держался за канат, прикрепленный к катеру. Когда волна с силой ударяла его, он выныривал из-под воды и небрежным жестом откидывал мокрые волосы назад, открывая высокий чистый лоб.

Он ослепительно улыбнулся, словно маленькое солнце:

— Эй, ты чего застыл? Давай, попробуй! Или ты испугался?

Чу Син умел заниматься серфингом, и, можно сказать, весьма неплохо.

Волны накатывали одна за другой. Оба принялись собирать мусор. Лин Дуншэн поначалу держался уверенно, но, увлекшись, не удержал равновесие и упал в воду. Подняв голову, он увидел, что Чу Син продолжает скользить по волнам. Тот обернулся, бросил на Лин Дуншэна мимолетный взгляд и громко рассмеялся:

— Ты проиграл!

Лин Дуншэн замер, а затем уткнулся лицом в морскую воду, пытаясь остудить пылающие щеки.

— Ну надо же, зачем так притягательно улыбаться...

<http://bllate.org/book/21593/2225823>